

Густеет в окнах эта ночь,
Не собираясь расставаться
С тем, что уйдет куда-то прочь,
Как промедленье ни пророчь, —
Но так и будет, может статься.

Открыты форточки и дверь,
Плеснулся ветер в них снаружи.
Ах, что за мужество, поверь,
У тех, кто новых ждет потерь,
Живет в крови до самой стужи!

Еще не думало тепло
О том, с чем встретится так скоро.
Вдали, как черное жерло, —
Все, что для нас как мир старо
И не предмет для разговора.

Но там, где нет в помине сна,
Где рвется, узы разрывая,
Весь этот сад на свет окна, —
Есть пониманья новизна,
Неукротимая, живая.

Мне в Диком Поле дышится легко —
 На то и родина, чтоб душу согревала,
 На то и лета, чтоб осмыслить это, мало —
 И осень от меня недалеко.

Попробую опять на этот раз
 В причудах времени подробно разобраться —
 И весь раскроюсь я — к чему теперь скрываться? —
 Тому, что рядом вижу в добрый час.

Тысячелистник, сонная полынь
 В разливах воздуха звенящего степного, —
 Любви и верности заветная основа,
 И в зареве — блаженная теплынь.

О ты, земля, чьей жизни не сломить,
 Чья суть явилась мне в безбрежном слове — воля,
 Ты, почва древняя для песен в Диком Поле, —
 Я всем тебе обязан, может быть.

С тобою — боль и радость искони,
 Дожди обильные и ветер тополиный,
 Чутье врожденное и цвет неопалимый
 И музыка, судьбе твоей сродни.

Когда я здесь, я снова полон сил —
 Родство ли кровное с тобою ощущаю,
 Но знаю: многое сейчас предвосхищаю,
 В сиянии восстав твоих светил.

* * *

Незаметно тучи набежали,
 Сладковатой влагой тяготясь, —
 И с землею близость родилась,
 Чтобы воды небо отражали.

Незаметно полдень миновал.
 Было мглы с избытком над рекою,
 Сквозь нее с натугой нелюдскою
 Бился луч — и сердце задевал.

Незаметно вечер подошел,
 Обволок пристанище мирское,
 В кровь проник, напомнил о покое,
 Сам от мыслей смутен и тяжел.

Незаметно звезды замерцали —
 И луна безмолвно поднялась,
 Выплеснув извечных смыслов вязь
 На земные шаткие скрижали.

Славен лад полудня золотого!
 Мятного побольше бы вдохнуть —
 Сладкого, медвяного — и в путь,
 В глубь степную — что же в ней такого?
 Чем она притягивает так,
 Что не подождать, не удержаться?
 Как устам для песни не разжаться?
 Крепкая порука, добрый знак.

Леностная, вязкая закваска
 Выжившей, невыжженной красоты —
 Невозможно долгие часы,
 Где извне — события завязка,
 Где внутри — развязка стольких драм,
 Этой дремы тягостная смолка,
 Эта смесь шершавости и шелка,
 Толк ершистый, загрубелый шрам.

Роковая, гиблая, благая
 Горечь до заката разлита —
 Пыльная, щелястая плита;
 Холодок, по сердцу пробегая,
 Позвоночник тронет, ускользнет
 Вон туда, где скалы терпеливы,
 Где реки расплеснуты извивы —
 Кто бывал здесь, тот лишь все поймет.

* * *

Дождем умытые листья,
 Сиянье из-за окоема,
 Из-за расплавленной черты
 Благая, пряная истома.

Какой-то, видно, есть резон
 Стоять под струями прямыми,
 Чтоб, отдышавшись, как сквозь сон
 Свое тебе промолвить имя.

И я мгновенно узнаю
 Друзей возвышенных давнишних,
 Преобразавших жизнь мою,
 В усталых яблонях и вишнях.

Как изменились вы, друзья,
 Как постарели ваши лица! —
 Но будут ваши жития
 На клеймах памяти светиться.

В природе — свой извечный чин,
Как в храме — для иконостаса,
И предостаточно причин
Для слова, образа и гласа.

И лучше выразить как есть
Единство времени и доли,
Чем лавры в будущем обрести
И не избавиться от боли.

* * *

Я света ждал — живого, из души
Самой природы — и его дождался.
Как бы негромкий голос вдруг раздался —
И вот уже окреп, сквозь хмарь прорвался,
Напевом ясным стал в моей глуши.

Знать, не напрасно слышать мне дано
Глубинной этой музыки начало
Вот здесь, где долгим эхом отзвучало
Все то, что встарь так рьяно величало,
А нынче смотрит издали в окно.

И слова мне не вымолвить теперь
Без напряженья, без проникновенья
Куда-то в глубь, чтоб ждать прикосновенья
Ладоней тайн, — и ветра дуновенье
Тяжелую приоткрывает дверь.

И кто-то мне протягивает нить
Оттуда, где частиц немых круженье.
Почуяв разом сердца притяженье,
Уже находит путь преображенья —
И некому мне это объяснить.

* * *

Откуда же такая тишина?
Не объяснишь — да, впрочем, попытайся,
Но только не рисуйся, не раскайся,
Рискуя тем, что может взять она.

И проку нет твердить, что это так,
Что в ней способен раствориться всякий,
Чтоб слух обрести; и этот смысл двоякий
Пусть в ней сквозит — как бы дорожный знак.

И зрению в ней нечего впитать,
Помимо возрастающего света

Луны, — и остается без ответа
Вопрос непраздный твой — и что гадать,

Откуда эта бездна, эта мзда
Невгодам, эта вздорная поблажка
Надеждам, эта свежая рубашка
Природе, что живет не без труда.

* * *

Не разрешай себе, поэт,
Испепеляться неизвестным —
Весь мир величием чудесным
Иной тебе дарует свет.

Иная грусть — на берегах,
Знакомых правилам названья, —
И с беспредельностью призванья
Ты весь, как древо, — в двух шагах.

Ты сам для вечности живешь,
Другого имени не зная, —
И говоришь, припоминая,
Лишь то, что в будущем споешь.

Над прошлым нет иного сна,
Как только сумерки творенья, —
Нагая суть стихотворенья
Встает, как новая весна.

И в неизбежности замет
Утехой служит лишь начало,
Где боль смирение встречала
На грани дней и склоне лет.

Утихомирно светла,
Она затихнет в одночасье,
А это — лучшее согласие
Любви с основой ремесла.